

Четкое, сознательное намерение запомнить надолго помогает добиться нужного результата, повышает прочность запоминания материала. Почти весь материал можно представить в виде картинок и описать необходимыми словесными средствами. Текст, который требует механического запоминания, хорошо повторять в последний раз перед сном.

Забывание особенно быстро развивается в первые 48 часов после восприятия любого материала. Наибольший процент забывания приходится на первые 24 часа. Значит, следует готовить уроки сразу в день объяснений, по горячим следам: достаточно посмотреть в учебник и убедиться, что все понятно. Если все понятно, выделить главное и попробовать один раз пересказать хотя бы основное. Еще раз прочитать, отметить про себя, что запомнилось, а что нет, и отложить до дня приготовления уроков. При такой подготовке уроков требуется в два раза меньше времени, чем при подготовке накануне. При приготовлении уроков на завтра следует разделить по времени понимание материала и запоминание его. За один прием не следует повторять больше 2-3 раз. При каждом повторении нужно обращать внимание на допущенные ошибки и трудные места.

На умственную деятельность человека влияют его личностные качества: воля, ответственность, дисциплина, целеустремленность и другие, так как они мобилизуют резервы личности, стимулируют его психические возможности и обеспечивают высокие результаты учебной деятельности. Установлено, что эмоциональные и общительные ученики легче и быстрее овладевают иностранным языком. Поэтому в структуру иноязычных способностей включают эмоциональные (впечатлительность, экспрессивность, импульсивность и т. д.) и коммуникативные качества (умение вступить в разговор, убе-

дить собеседника, доказать свою точку зрения и т. д.). Хотя эти особенности личности в какой-то степени определяются темпераментом, но, как и все психические явления, они могут изменяться под влиянием специально организованного воздействия. Такое воздействие осуществляется в форме систематически выполняемых упражнений в общении, в эмоциональном речевом поведении, в ролевых учебных играх, ситуациях, диалогах.

Успех развития речемыслительной деятельности зависит от положительной эмоциональной обстановки. Страх, беспокойство, нервное напряжение, предэкзамениционное возбуждение ведет к отрицательному восприятию, а отрицательный опыт запоминается лучше, чем нейтральный. Чем сильнее эмоции, и положительные и отрицательные, тем больший объем материала запоминается. Знание своих слабых и сильных сторон позволяет преодолеть стресс и способствует возникновению положительных эмоций, связанных с достижением успеха, и которые ведут к повышению эффективности речемыслительной деятельности.

Литература

1. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранному языку в школе / И. А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1999.
2. Рогов, Е. И. Настольная книга практического психолога в образовании / Е. И. Рогов. – М.: Владос, 1995.
3. Маркова, А. К. Диагностика и коррекция умственного развития в школьном и дошкольном возрасте / А. К. Маркова, А. Г. Лидерс, Е. Л. Яковлева. – Петрозаводск, 1992.
4. Бориско, Н. Ф. Сам себе методист / Н. Ф. Бориско. – Киев, Инкос, 2001.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.11'1+811.161.1'1

МОДАЛЬНЫЕ ОТТЕНКИ АНАЛИТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ГИПОТЕТИЧНОСТИ

Т. А. Логунов

Во всех исследованиях языковой категории футурума, как правило, подчеркивается ее комплексный характер. Семантика средств выражения футуральности включает несколько компонентов помимо собственно темпорального, и одним из основных осложняющих факторов является модальность. Обозначение будущих действий отличается по содержанию от обозначения настоящих и прошедших тем, что будущему по самой его природе (как области не еще реализовавшегося) присуща своя особая обязательная модальность. Факты истории языка и его развитие в онтогенезе и филогенезе

показывают «вторичность» категории будущего относительно прошедшего и настоящего (Кравченко, 1996, 80). Это является следствием того, что ирреальная природа будущего когнитивно более абстрактна относительно более осязаемых и эмпирически доступных временных планов. Взаимодействие модальности, гипотетичности и темпоральных значений при функционировании указанных средств на синтагматическом уровне и составляет специфику системных футуральных средств языка.

Как известно, в языковых категориях отражены результаты переработки в сознании членов

языкового коллектива объективных явлений и отношений между объектами, поэтому и языковая категория футурума имеет онтологические основания. Следовательно, одним из основных источников модальности будущего в языке является его специфика как понятийной категории (Сахарова, 1987). Таким образом, некоторые лингвисты предлагаются рассматривать футурум в языке одновременно и как *грамматическую*, и как *когнитивную* категорию (Fleischmann, 1982).

Исходя из этого, при описании функционирования футуральных форм необходимо учитывать не только ближайший лингвистический контекст, но и такие факторы широкого контекста, как объем знаний коммуникантов на момент речи и модус их отношения к будущим событиям, иными словами, их когнитивную позицию и, шире, всю коммуникативную ситуацию. При обозначении будущих действий в языке большое значение приобретают концептуальные представления носителей этого языка о будущем, о возможностях воздействия на него. Таким образом, при интерпретации высказываний о будущем повышается роль внеязыковой информации, фоновых знаний. На этом основании исследователи грамматической семантики приходят к выводу о том, что в будущее время входит не только семантика компонентов его формы, но и *прагматика высказывания* (Фичи Джусти, 1997).

Л. Хэгеман называет высказывания о будущем «относительными» в том смысле, что они являются продуктами умозаключений, догадок, суждений, ожиданий со стороны говорящего или пишущего и не подвержены никакому объективному контролю в момент t_0 (Haegemann, 1982, 95). Употребляя грамматическую форму будущего времени, говорящий указывает, что называемое им событие еще не стало объектом фактического *объективного знания*, но является продуктом *субъективной оценки*, сделанной на основании положения говорящего в момент t_0 , т. е. основанной на некоторых знаниях, имеющихся у него в этот момент (Haegemann, 1982, 102). В. М. Комогорцева выделяет специальный модальный признак для форм будущего, всегда сопутствующий временному признаку, и обозначает его как «*предположительность*». Ему противостоит признак «*определенность*», входящий в семантическую структуру форм настоящего и прошедшего времени, так как они характеризуются актуальностью и фактичностью действия (Комогорцева, 1965, 4).

В диссертации Н. С. Сахаровой, посвященной средствам выражения проспективности, в качестве одного из объединяющих компонентов в семантической структуре данных средств выделяется модальное значение *гипотетичности*, свойственное самому понятию будущего как категории вероятностной. Автор подчеркивает, что значение гипотетичности не противоречит значению проспективности, а как бы накладывается на него. «Дополнительные модальные значения, передаваемые средствами выражения перспективности, являются следствием реализации данных средств в определенных речевых

условиях» (Сахарова, 1987, 4). Модальность гипотетичности предлагается относить к сфере, промежуточной между модальностью реальности и модальностью ирреальности, то есть в одних случаях действия, обозначенные средствами выражения проспективности, относятся к сфере реальности, а в других случаях их осуществление связано с проблематичностью, неуверенностью (Сахарова, 1987, 20).

Для описания мы произвольно выбрали аналитические формы будущего русского и английского, поскольку соотношение категорий футурума в этих двух языках является несимметричным благодаря наличию в русском языке двух грамматических футуральных форм.

В настоящем исследовании мы рассматриваем различные частные ситуации и оттенки модальных значений, реализуемых как разновидности более общего значения гипотетичности. В сфере будущего к этому значению приближается значение потенциальности, т. е. возможности возникновения или проявления чего-либо в последующем временном отрезке при каких-либо условиях. Соответственно, действие, мыслимое как потенциальное, противопоставлено реальному и, таким образом, рассматривается как предположительное осуществление чего-либо.

Очевидно, одной из основных ситуаций, в которых гипотетичность как категориальная характеристика футуральных средств проявляется наиболее ярко, является условная зависимость. Действительно, степень вероятности реализации действий, относимых к будущему, значительно понижается, если действие зависит от другого, еще не совершившегося, или если действие находится в отношении каузальности с другим действием, которое само мыслится лишь как возможное. В данном случае можно говорить об усилении гипотетичности всей ситуации и о принципиальной потенциальности такого будущего действия. Синтаксически эти ситуации оформляются в языке как сложно-подчиненные предложения с придаточными условия, в которых аналитическая форма представлена в сказуемом главной части. Однако условие реализации может быть просто имплицировано контекстом. Обусловленность будущего действия характерна для речевых актов угрозы, предупреждения (предостережения) и других, в которых форма сложного будущего выражает возможные негативные последствия для адресата в том случае, если он не выполнит требование. Поэтому адресат в такой ситуации часто занимает позицию пациента, хотя при синтаксической реализации пропозиции он представлен как исполнитель действия. «Гражданин, ... Вы бы Вашу собаку страшную увели куда-нибудь, тут все-таки Вам не зона.... В общественных местах намордник полагается. ... Вас я, учтите, на полном официальном предупредила. Покусает – будете штраф платить» (Владимов). Асиндетон в русских предложениях со значением условия предупреждения распространен не менее чем в английском (ср. *Try that and I'll kill you* (Forsyth)).

Реализация будущего действия, которое необходимо или желательно с точки зрения говорящего, зависит от действий адресата высказывания и 3-х лиц; этот каузирующий предикат имеет более конкретную семантику, нередко называет физическое действие и выражается формой императива или другой побудительной формой. При этом желаемое действие в большинстве примеров является не физическим, а мыслительным или речевым. Субъект речи «отдаляет» это первоначально желаемое для адресата действие от момента настоящего в будущее, так что между двумя действиями устанавливаются, помимо каузирующих, еще и темпоральные отношения. Типичный для русского языка способ подчинительной связи в этом контексте – это союзное сочетание «тогда и», который можно развернуть как «только после этого возможно Р»: «*Давайте поработаем измерителем, давайте переведем на язык цифр – тогда и будем говорить*» (Астафьев). «*В конце концов, физики преподнесут нам свой энцефалограф... Долгожданный... И тогда мы будем, наконец, знать, кто что думает...*» (Дудинцев).

Использование shall/will в главной части условных периодов в английском распространено примерно так же широко, как и употребление сложного будущего в соответствующем контексте в русском, то есть, достаточно частотно: «*They'll hear the shot,' Castle said. 'We'll take a little walk down to the cellar. One shot - nobody pays any attention. They think it's a back-fire*» (Greene).

Следует отметить, что имплицитное условие, которое выражается контекстом, как в предыдущем примере, еще более снижает степень вероятности будущего действия. В тех случаях, когда контекст содержит логический вывод относительно малой вероятности определенной ситуации в будущем, или, как в следующем примере, указание на невозможность, будущее действие представляется уже, скорее, как совершенно ирреальное, так что при переводе на русский возможна замена индикативной формы на сослагательное наклонение: «*I regard your side as having four votes certain. Yourselves and Nightingale. Nightingale can't cross over again, or he'll make the place too hot to hold him*» (Snow).

Имплицитное условие, включающее отрицание, предполагает отказ или согласие адресата на определенное действие в будущем, что необходимо для исполнения другого потенциально положительного для него действия [Модель: «если (не) согласишься, тогда (не) получишь»]: «*I suppose,' said Joan thoughtfully, 'there are some arguments in favour of a formal wedding.' 'Of course there are. You must never think of anything else.' 'She means,' said Crouchback, 'that you'll miss the presents'*» (Waugh).

Когда субъект речи контролирует ситуацию и совершение действия зависит от него, он может прямо ставить перед адресатом условие в форме требования его согласия/обещания: «*Tell me the truth. If you don't hate me tell me the truth.*» «*We don't hate you,' said Roy. 'We're very fond of you. So will you stop hurting yourself? Then I'll tell you the truth'*» (Snow).

Иногда потенциальность ярко проявляется при реализации сложных пропозициональных комплексов с функторными предикатами (Касевич, Храковский, 1983) качества, у которых первая валентность заполнена предикатным актантом со значением тождества, что на поверхностном уровне соответствует инфинитивным предложениям с формальным подлежащим в английском или безличным предложениям в русском [МОДЕЛЬ: «It will be ADJ + INF»]. Такая синтаксическая конструкция используется, в частности, для выражения различного рода оценок действия говорящим и, благодаря употреблению will, относит к будущему всю ситуацию, хотя содержательно сам факт оценки относится к настоящему. Несмотря на формальную невыраженность, субъект оценки совпадает с субъектом высказывания, ср.: в следующем примере «It will be nice to see ...» интерпретируется как «I think now that it will be nice when we have opportunity to see...», таким образом, форма с will вполне взаимозаменяема с нереальным наклонением: «*As you know, Eustace, I understand these things very little - but it will be extremely nice to see your genius. I stipulate, however, that I am not expected to converse in any language but my own*» (Snow).

Употребление формы будущего в придаточном сравнения, когда настоящая ситуация, представленная в главной части, оценивается как более предпочтительная, чем потенциальная будущая, создает оттенок ненужности будущего действия и представляют его как гипотетическое, крайне маловероятное: «*Jago satisfies what I want better than anyone we shall find*» (Snow).

Потенциальность совмещается с предсказанием: поскольку говорящий или субъект данного ментального действия исходит из своих знаний о свойствах ситуации, ее участников в прошлом и настоящем, он уверен в реализации своего предсказания в случае наступления соответствующей ситуации в будущем. Потенциальность же возникает благодаря обусловленности, т. е. каузации другим еще не реализованным событием, при которой вероятность реализации обеих альтернатив примерно равна. Ср. ситуацию выборов в следующем примере: «*Jago has sacrificed himself for me college, Eliot. Just as every college officer has to. Whereas Crawford has not sacrificed himself, he has become a distinguished man of science. On academic grounds his election will do us good in the outside world*» (Snow).

Еще более ярко потенциальность проявляется, когда сочетание «will + inf.» функционирует не в чисто футуральном значении, а содержит, например, элемент предположения. В данном случае вес модальной составляющей значения повышается, однако именно футуральный компонент указывает на потенциальную верификацию в будущем того предположения, которое выразил в этом высказывании субъект речи: «*If anything more is known about your Eduard Roschmann, he'll know it*» (Forsyth).

Обусловленность временными придаточными также весьма частотна в нашей выборке, причем характер обусловленности в этом случае несколько

иной, так как временное придаточное обозначает (а) время наступления или (б) прекращения существования ситуации, каузирующей будущее действие. Наиболее ярко потенциальность проявляется во втором случае, то есть когда придаточные вводятся союзами *while*, *so long as*, *till* и т. п. Сохранение определенной ситуации, имеющей место в настоящем, это препятствие для изменений, но условие сохраняется только до определенного момента. Подобные предложения трансформируются в условные «ирреального типа» с отрицанием: «если бы С не было, тогда ..., а пока С существует, то ...». Следовательно, именно какое-либо изменение обуславливающей ситуации каузирует начало действия в будущем, которое выражено футуральной формой: '*... so long as the collective guilt theory remains unquestioned nobody will start to look for specific murderers*' (Waugh). '*The ODESSA [secret organization for SS members] is still there, and will be while there is an SS criminal to protect*' (Forsyth).

Ср. также сопоставительные (двухкомпаративные) темпоральные предложения: '*I haven't come all this way to talk about myself,*' *the priest said. 'The sooner your confession's done, the sooner I will be gone...*' (Greene).

В нашем описании выделяется ряд специальных ситуаций, характерных для русского или английского языка, в которых при проявлении категориальных значений футуральных форм (в частности, значений гипотетичности, потенциальности) реализуются различные оттенки, в том числе и модальные.

1. Ситуация «эмоционального выбора». Рассматривая собственные перспективы в будущем, субъект речи практически всегда принимает решение в ситуации выбора, поскольку ему обязательно приходится сравнивать несколько возможных действий и их результаты. Сравнение может иметь как формальное выражение, так и имплицироваться всем сопоставительным контекстом. Выражение «я лучше буду Р₁, чем Р₂», как правило, имеет эмоциональную окраску, привносимую лексическим контекстом: «... *Никогда я не пойду по пути своего папочки, никогда не позволю поработить себя никакой политической идее, любая из них мерзее другой, хватит с меня этого дурмана, да лучше я на саксофоне буду играть...*» (Аксенов).

Важно, что альтернативное решение связано с отказом от какой-либо достаточно перспективной (с внешней точки зрения собеседников) линии развития; это, в свою очередь, предполагает волевой акт решения. В то же время ситуация предпочтения одного действия, менее привлекательного и престижного для общественного мнения – и мнения самого говорящего, актуализирует гипотетичность, ирреальность будущего, поскольку действие, выраженное формой будущего сложного, рассматривается как последняя альтернатива. Обусловленность, которая реализуется как необходимость принятия решения о выборе и является каузирующим фактором, имплицирован контекстом. (Ср. возможное прочтение предыдущего примера: «Чтобы не стать

политиком, я согласился бы даже на работу музыкантом [но существует много других видов деятельности, которыми я тоже могу заняться]»).

2. Нейтрализация индикатива и неиндикатива. Если главный предикат обозначает ментальное действие, связанное с конструированием так называемых альтернативных миров (например, «представлять себе» – «мысленно воспроизводить, воображать» (словарь С. И. Ожегова)), то в зависимой от него пропозиции, реализуемой придаточным определительным или дополнительным сложное будущее время оказывается вполне взаимозаменяемым с формами сослагательного наклонения. Причем последние являются более ожидаемыми в таком контексте, однако форма сложного будущего в силу особенностей своего содержания отлично подходит для выражения нереального: «*А нетрудно и представить такое общество, в котором все отношения, будут вытекать [= вытекали бы] из нравственности*» (Солженицын).

3. Мысленное конструирование. В этом случае реализуемая пропозиция зависит от предиката мыслительного действия, представленного глаголом внутреннего зрения «представлять себе». Характерно, что в большинстве случаев он имплицирован контекстом, поскольку все представленные субъектом речи ситуации существуют лишь как ментальные конструкции, представления в его сознании.

Мысленное конструирование будущей ситуации (Хрисонопуло, 2001, 205) – сравнительно распространенный случай употребления сложного будущего в его чисто видовом длительном значении. Субъект ментального состояния детально представляет, как правило, *благоприятную* или *желательную* для себя ситуацию и описывает ее с помощью нескольких форм будущего сложного, обозначающих параллельные действия/состояния самого субъекта и третьих лиц. Будущая ситуация четко отделена от настоящего, в котором находится субъект, как темпорально, так и локативно (т. е. субъекту необходимо переместиться в пространстве), и наступление благоприятного будущего связано со значительными изменениями в настоящем положении субъекта: «*Проволакивалось через его голову всё нужное и ненужное: ... и оживлённые лица Кадминых при жёлтой керосиновой лампе, когда он будет выкладывать им миллион городских впечатлений, а у них будут новости аульные и какие они за это время слышали музыкальные передачи – и приплюснутая хибарка будет казаться им троим наполненную вселенной...*» (Солженицын).

Реже субъектом ситуации в будущем является только третье лицо или же ситуация оказывается безличной (бессубъектной), в таком случае характер будущего меняется на нежелательный, неблагоприятный или прямо опасный для субъекта мысленного конструирования: «*Майор Зарубин подумал: со временем немцы сообразят бомбить плацдарм, заходя не с реки, а пикируя вдоль берега, вот тогда начнется страшное дело – обвали-*

вающимся яром будет давить людей, будто мышат в норках» (Астафьев).

В английском языке, так же как и в русском, футуральное сочетание с *shall/will* используется для мысленного конструирования будущего. Контекстуальные условия, к которым относятся и неопределенное время осуществления, и лексическая детализация ситуации, а также желательность в отношении будущей ситуации, в двух языках в целом совпадают. Говорящий может представлять такую будущую ситуацию, в которой он является центральным лицом или одним из участников, в последнем случае описывается будущее объектов, тесно связанных с ним: *«There was plenty of work. Gold teeth. But then the peso dropped. And now I can't get out. One day I will.»* He said, 'I'll retire. Go home. Live as a gentleman ought to live. This' – he gestured at the bare base room – 'I'll forget all this. Oh, it won't be long now. I'm an optimist» (Greene).

Конструирование восприятия. Эта ситуация является разновидностью предыдущего случая, поскольку пропозиция здесь также подчинена предикату мыслительного действия «предположение», который тем не менее вводит предикатный актант, реализуемый глаголом визуального восприятия.

Сложная форма будущего с глаголом «выглядеть», определяемым наречиями типа «глупо», «пудрачки», которые негативно характеризуют внешний облик (образ) субъекта речи, создает гипотетическую ситуацию будущего. Будущее в таком случае ментально конструируется с точки зрения внешнего по отношению к субъекту мыслительного действия восприятия. Семантика этого глагола подразумевает визуальное восприятие со стороны внешнего объекта – «производить какое-либо впечатление своим видом» (словарь Д. Ушакова). Таким образом, говорящий (=субъект мышления) конструирует ситуацию, в которой он видит себя чужими глазами: *«Сперва он вышел встречать её в садик, зная по какой кривой аллейке она должна прийти, ... но потом подумал, что в бабьем халате будет выглядеть глупо, не так, как хотел бы ей представиться»* (Солженицын).

Такое будущее состояние характеризуется как совершенно неприемлемое, недопустимое для субъекта мысли и поэтому он предпринимает или планирует предпринять действия, ведущие к альтернативному будущему. Таким образом, автор высказывания «Я буду выглядеть глупо» заранее отказывается от такого варианта развития будущего, что делает форму будущего в этом выражении синонимичной форме нереального наклонения (ср. «В этом халате я выглядел бы глупо, поэтому я не хочу, чтобы меня в нем видели»).

4. Ситуация «нереализованных ожиданий». Реализация пропозиции (предикатного актанта), зависимой от предиката пропозиционального отношения, выраженного глаголом мнения/предположения, оказывается особенно специфичной, благодаря тому, что из-за расхождения временной характеристики двух предикатов в предложении может выражаться как собственно

предположение, так и оценка уже реализованной ситуации. Так, в придаточном, зависимом от формы прошедшего времени глагола «думать» с отрицанием, особенно при совпадении субъекта главного и придаточного, выражается оттенок *маловероятности*, проблематичности или *невозможности* такого развития ситуации с точки зрения субъекта ментального действия. Форма с «буду» здесь употребляется для обозначения «относительного» будущего (ср. будущее-в-прошедшем в английском языке), верифицируемого наступлением настоящей ситуации. Фактически в этом контексте говорящий сообщает о своих нереализованных предположениях и даже об имевшей место в прошлом уверенности в том, что наступление такой ситуации невозможно. *«Никогда не думала, что буду так переживать! – хрустнула Донцова пальцами в пальцах»* (Солженицын). *«Не думал, что буду горько жалеть об упущенных возможностях, зная, что они более не представляются»* (Ефремов).

Данные высказывания легко трансформируются за счет переноса отрицания из главного предложения с глаголом ментального действия в придаточное (Ср. *«Я была уверена, что не буду так переживать»*). В то же время сама форма будущего ярко сохраняет здесь значение гипотетичности, поскольку верификация будущего изначально была возможна лишь при условии наступления определенной ситуации.

5. Риторический вопрос. Риторический или формально риторический вопрос является еще одним контекстом, ярко демонстрирующим гипотетичность аналитического будущего. Яркой особенностью риторического вопроса является расхождение между формальным построением предложения и иллокутивной силой высказывания. В коммуникативном аспекте здесь следует говорить, скорее, о констатирующих высказываниях с достаточно сильной эмоциональной окрашенностью, а не о вопросах к адресату.

В основе риторического вопроса с формой аналитического будущего лежит либо такая пропозиция, в которой один из актантов представляет собой нечто неизвестное для говорящего (что выражается вопросительным местоимением «кто?», «что?»; ср. «[некий X будет делать А]?», «[Y будет делать некое В]?»), либо обычная агентивная пропозиция, которая, благодаря содержанию предиката, может модифицироваться до волитивной, когда под вопросом оказывается желание адресата. Таким образом, формально и первый, и второй типы представляют собой запрос, лишь во втором случае при речевой реализации мы получаем запрос о воле, желании адресата. Однако анализ материала показывает, что простое соответствие этих типов специальному и общему вопросу на поверхностном уровне не исчерпывает различий между ними.

В нашей выборке на русском языке доминирует один тип риторических вопросов с вопросительным словом; содержанием таких вопросов является невозможность, проблематичность для гово-

рящего или адресата найти выход из ситуации и, как следствие, растерянность говорящего, что подтверждается даже отрицательным ответом со стороны самого автора этого вопроса. Такие высказывания, как правило, ярко окрашены эмоционально: «Эх, девочка! Куда Вы полезли? Зачем? Кто о Вас плакать-то будет?» (Домбровский). «Где теперь вот я буду искать Полину Юрьевну?» (Гранин). «Он же всех профессоров... Ты же видел приказы министра! Видел в ректорате? ... Кто будет завтра настоящую науку преподавать? Некому! Некому!» (Дудинцев).

Возникновение невозможности совершить действие всегда основывается на определенных событиях прошлого или настоящего. Наиболее проблематичным для говорящего является отсутствие подходящего субъекта для выполнения желаемого или необходимого действия: «И Клопова – сняли!.. Да кто же будет беречь кадры?.. Совершенно новые какие-то имена...» (Солженицын). Этот случай, при котором субъект действия выражен вопросительным словом, т. е. остается неизвестным говорящему, поскольку нет возможности установить референт агенса для данного предиката, является наиболее распространенным для русского языка.

Утвердительное предложение, реализованное в форме риторического вопроса на основе такой пропозиции, актуализирует значение обобщенного настоящего, осложненного гипотетичностью футурума. Такие высказывания также являются стилистически ярким средством выражения модального значения невозможности (ср. ниже: «кто же будет так поступать» интерпретируется как «никто не будет так поступать, кроме...» или со снятием футурального значения – «никто так не поступает, кроме...»). «В глухой и пустынный час Лучников увидел в "Аркадах Воображения" вдалеке одинокую женскую фигуру. Без сомнения, советский человек, кто же еще посреди ночи на перекрестке фальшивого и реального мира, ... будет столь самозабвенно изучать витрину парфюмерной фирмы» (Аксенов). Вместе с тем форма будущего здесь также имеет вневременную отнесенность, поскольку указывает на нетипичность данного поведения для всего неограниченного множества субъектов, кроме названной группы. Указание на конкретные обстоятельства действия способствует выражению оттенка гипотетичности: «никто, кроме советского человека, не стал бы действовать таким образом, оказавшись с подобной ситуацией».

Контекст риторического вопроса позволяет актуализировать модальное значение невозможности, что верно для обоих рассматриваемых языков. Однако имеется и существенное различие, связанное с тем, что в английском более распространены риторические вопросы второго типа, т. е. реализуемые как формально общие вопросы. В этом случае очевидно коренное различие природы и источника невозможности, поскольку такие вопросы, как пра-

вило, обращены к разуму и воле адресата, а не только к эмоциональной сфере, при этом сам адресат может повлиять на события, сняв ситуацию невозможности: «*And you would let your judgement of all this, of the greatness that once was Germany's and will be again one day, of the essential unity of us ... the German people, you will let your judgement of all this be affected by what happened to a few miserable Jews?*» (Forsyth). Невозможность в этом случае есть невозможность для говорящего представить себе реализацию описанной им ситуации, т. е. несовпадение возможного или прямо предлагаемого собеседником пути развития и фоновых знаний, представлений или мотивов говорящего. (Можно предложить следующую экспликацию: «*It is difficult to believe, can it really happen so?* или *Will you/he/she/they really do it?*»).

Таким образом, практика описания семантического наполнения аналитической футуральной формы демонстрирует значительное многообразие выражаемых оттенков значения как модальной, так и темпоральной природы. Несмотря на наличие очевидных иерархических отношений между различными значениями и оттенками значений (подчиненность некоторых групп частных оттенков более общим значениям, реализуемым в них), системное описание семантики футурума представляет немалую трудность, в том числе и по причине многообразного взаимодействия грамматических футуральных средств с факторами самого широкого контекста.

Как показала весьма длительная история исследования футуральных грамматических средств, комплексный характер футурума в языке требует выхода за рамки строго формальной интерпретации содержания этой формы и привлечения дополнительных сведений практически в каждом конкретном случае. Не удивительно поэтому, что многочисленные попытки вывести единую строгую классификацию употребления, например глагола *will* в системе английского языка (как модального, «полумодального» и темпорального), не были окончательными и подвергались критическому пересмотру (см., в частности, диссертационные исследования (Комогорцева, 1965; Маулер, 1968)). Это верно и для гипотез о «единстве» и нерасчлененности лексем-граммемы *will* в английском языке (Heagemann, 1982).

Мы исходим из того, что при описании функционирования футуральных аналитических форм (а также других языковых единиц, относящихся к будущему) наиболее подходящим методом является анализ высказывания в рамках когнитивного подхода. Его объяснительная сила возрастает благодаря учету в числе прочих факторов экстралингвистической составляющей, под которой понимается объем знаний коммуникантов, интенции автора высказывания (субъекта действия) и другие компоненты общей коммуникативной ситуации.

Литература

1. Касевич, В. Б. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики [Текст] / В. Б. Касевич, В. С. Храковский // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1983. – С. 5 – 27.
2. Комогорцева, В. М. Система грамматических средств выражения будущего в современном английском языке [Текст] / В. М. Комогорцева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1965.
3. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1996.
4. Маулер, Ф. И. Конструкции Shall/will + инфинитив в современном английском языке [Текст] / Ф. И. Маулер: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1968.
5. Сахарова, Н. С. Развитие средств выражения перспективности (новоанглийский период) [Текст] / Н. С. Сахарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987.
6. Фичи Джусты, Ф. Видовые отношения в будущем времени в русском и в других славянских языках [Текст] / Ф. Фичи Джусты // Труды Аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1997. – Т. 2. – С. 115 – 127.
7. Хрисонопуло, Е. Ю. Когнитивный аспект варьирования форм indefinite при выражении будущих действий [Текст] / Е. Ю. Хрисонопуло // Квантитативная лингвистика и семантика. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3. – С. 200 – 206.
8. Fleischmann, S. The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance [Текст] / S. Fleischmann. – Cambridge, 1982.
9. Haegeman, L. The Semantics of Will in Present-day British English: A Unified Account [Текст] / L. Haegeman. – Brussels: Paleis der Academiën, 1982.